

© 1992 г. ТАРАСОВА И.П.

СТРУКТУРА СМЫСЛА И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КОММУНИКАНТА

Ни структура смысла, ни структура личности на сегодняшний день еще не могут считаться в полной мере исследованными, во многом не определено и соотношение между ними. Вместе с тем анализ этого соотношения может, как представляется, приоткрыть некоторые интересные стороны функционирования единицы общения (предложения-высказывания), с одной стороны, и построения процесса общения в целом, с другой.

Следует пояснить, что в рамках развиваемой нами гипотезы отдельный смысл (сема), смысл слова (его значение) и общий смысл предложения-высказывания имеют принципиально тождественное построение — в их основе лежит суждение, т.е. субъектно-предикатная структура, в которой представлен предмет мысли и приписываемый ему признак. Соответственно описанием смысла любого уровня и любой природы является не набор словосочетаний, но метапредложение или ряд метапредложений (метатекст). Каждый из компонентов метапредложения может в свою очередь быть развернут в метатекст [1]. В самом общем плане можно сказать, что смысл, будь то отдельный смысл, смысл слова или смысл предложения-высказывания, являет собой некоторую комбинацию мыслей, отражающую определенный фрагмент действительности. "Смысл и значение представляют собой единство соотносительных явлений. Смысл принадлежит мыслительной сфере и реализуется в значении, относящемся к внутренней стороне языка и репрезентирующем те связи, которые и составляют смысл" [2].

Предлагаемый путь описания предложения-высказывания вычленяет в его смысле ряд суждений. Каждое из суждений содержит в себе свои собственные субъект и предикат. Последние соотносятся с субъектом и предикатом, представленными в структуре предложения-высказывания. Они также могут соотноситься с факторами речевого общения, и в первую очередь с личностью адресанта. Рассмотрим эту последнюю проблему.

Структура личности (и структура речевой личности в частности) может рассматриваться с различных позиций. Личность человека формируется под влиянием тех общественно-исторических условий, в которых он живет и действует. Большое значение при этом имеет истолкование обществом, осознанное или подразумеваемое, характера отношений Я — ТЫ, Я — МЫ, Я — ОНИ, Я — ТО (ЭТО), а также Я — Я. Осмысляя пройденный человеческой мыслью путь, А.Ф. Лосев заключает, что "личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит со всем окружающим" [3].

Исследователи отмечают, что «... древнейшие культуры имели зооморфный характер, а сами люди не различались один от другого как неповторимые личности, напротив, в индивиде видели представителя рода, племени, общины; "Я" растворялось в "Мы" и потому отношение "Я" и "Другого" еще не становилось проблемой, требующей осмысления» [4].

Осознание равноправности и равноценности личности другого человека пришло позже, и оно способствовало осознанию человеком собственной самостоятельной индивидуальности, а философская мысль вычленила различные сто-

роны этой индивидуальности. Так, Платон выдвинул постулат об андрогинной природе человека, согласно которому в любой индивидуальности совмещаются мужское и женское начала [5].

Опираясь на некоторые положения учения древних мыслителей, лорд Шефтсбери, представитель Просвещения, развил мысль о двойственности души. В свете этой концепции в человеческой душе вычленяются две половины. "Одна из них, как предполагали древние, непосредственно покажет себя достойным мудрецом и с видом авторитета воздвигнется перед нами как наш советник и правитель, тогда как другая, ничего не содержащая в себе, а только все низменное и рабское, удовольствуется тем, чтобы следовать за первой и послушествовать ей" [6].

Укажем также на представление М.М. Бахтина о внутренней бесконечности индивидуальности. Сознательно или неосознанно, говорящий предполагает существование, помимо собственно адресата, также "высшего *нададресата* (третьего)". В различных мировоззренческих концепциях этот нададресат и его идеально верное ответное понимание могут осмысляться как Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п. [7]. Этот третий незримо довлеет над всеми участниками диалога, но он не является чем-то мистическим, а представляет собой "конститутивный момент целого высказывания" [7]. Этим частично объясняется внутренняя диалогичность, присущая как обмену репликами, так и высказыванию и даже слову, поскольку слово по своей природе "... всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)" [7].

Показательна также мысль, высказанная, в частности, Э.В. Ильенковым, о том, что «личность есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему "другому" — отношений "Я" к самому себе как к некоторому "НЕ-Я"» [8].

Положения теории М.М. Бахтина и концепция личности как отношения Я к Другому позволяют предположить, что диалогичность мышления и высказывания переходит в их диалектичность, поскольку в мышлении связываются по меньшей мере субъекты Я и НЕ-Я, и тем самым объединяются две нетождественные сущности. НЕ-Я, или Другой, как адресат и как нададресат предложения-высказывания и слова присутствуют во всей их структуре, во всем их смысле. Но помимо того, Другой связывается в некое единство с субъектом Я, и это единство в свою очередь включается в субъект мысли, который в рамках единого целого оказывается противопоставленным предикату.

В связи с проблемой интерпретации структуры личности интересно также вспомнить некоторые положения теории К.С. Станиславского. К.С. Станиславский анализирует "одионое общение, или самообщение", которое регулярно изображается на сцене. Перед артистом встает проблема оправдать на сцене то, чему в реальной жизни он оправдания почти не находит [9]. Для этого процесса необходимы определенный субъект и объект. В качестве таковых могут выступать ум и чувство. Ум (его центр находится в мозгу) может общаться с чувством (центр чувств "расположен" в районе солнечного сплетения). Проведя такое разделение, пусть и не очень научное, актер может обрести хорошее самочувствие, ему легко в паузах. Это наблюдение К.С. Станиславского имеет большое значение для исследования процесса общения, для практики обучения артистов, а также людей, которые испытывают неловкость в тех ситуациях, когда они находятся в обществе и вынуждены сохранять молчание. К.С. Станиславский по сути дела намечает один из путей расщепления личности говорящего, а это в данном случае позволяет интериоризировать адресата коммуникации. Расщепление Я коммуниканта на сферу интеллекта и сферу эмоций, производимое К.С. Станиславским, важно в том отношении, что оно имеет активный, действенный характер, когда ум и чувство в какой-то степени

противопоставляются друг другу и участвуют в акте общения как бы раздельным образом.

Концепция множественности личности человека находит отражение в художественной литературе. Так, А. Платонов говорит о некоем зрителе в душе человека. "Но в человеке еще живет маленький зритель — он не участвует ни в поступках, ни в страдании, — он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба — это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. От своей бессильной осведомленности он кажется иногда печальным, но всегда вежлив, уединен и имеет квартиру в другом доме. В случае пожара швейцар звонит пожарным и наблюдает снаружи дальнейшие события" [10].

Концепция множественности личности получает поддержку и со стороны психологической теории. В этом плане упоминания заслуживают прежде всего взгляды З. Фрейда. Как известно, они оказали большое влияние на гуманитарное знание. Влияние это неоднозначно, теория психоанализа подвергалась и подвергается критическому переосмыслению, и тем не менее принижение ее значимости приводит к обеднению научного мышления.

Важными являются положения З. Фрейда о структуре сознания и о связанных с этим речевых проявлениях. Если следовать за З. Фрейдом, Я говорящего и Я адресата в акте общения являются не гомогенными, но множественными образованиями, причем оба эти Я должны рассматриваться как своеобразное объединение различных ипостасей Я.

По Фрейду, душевный аппарат человека включает, помимо прочего, сознательное Я, бессознательное Оно, а также сверх-Я, или Я-идеал. Я человека, представляющее его разум, рассудительность, формируется в связи с процессами восприятия внешнего мира, а точнее, в связи с процессами, которые определяются Фрейдом как восприятие-сознание. В жизни Я важнейшее место занимают процессы восприятия, жизнь Оно регулируется разнообразными влечениями и страстями. Разумное Я стремится обуздать Оно, подобно всаднику, управляющему бегом коня.

Сознательное Я и Оно сосуществуют в духовном мире человека с Я-идеалом, которое является бессознательным. Я-идеал, по мысли Фрейда, соответствует "...требованиям, предъявленным к высшему началу в человеке" [11]. Я-идеал есть совесть, которая впигивает в себя заповеди и запреты, регулирующие жизнь человека как существа общественного, и осуществляет моральную цензуру его поступков и устремлений.

Таким образом, в пределах Я вычленяются: иррациональное начало, которое тяготеет к необдуманности; совесть, или морализирующее начало, которое оценивает и судит необузданные устремления, а также рациональное начало, осознающее себя и стремящееся обуздать глубинные нерациональные побуждения. Все типы Я проявляются в речи говорящего индивида. Например, становясь грубым, человек дает выход своему иррациональному началу; поучая других, давая советы, он дает слово голосу совести; формулируя мысли о некотором предмете, он выступает как существо рациональное.

Большой интерес имеет концепция Э. Берна [12]. Опираясь на идеи психоанализа, Берн выделяет в составе личности человека четыре функциональные составляющие части — Я, Родитель, Ребенок и Взрослый. Состояние Я — это феномен, Родитель же, Ребенок и Взрослый — это роли, в которых человек обнаруживает себя с психологической точки зрения, причем многие люди могут переходить от одной из этих ролей к другой достаточно легко. Психологическая роль может со-

относиться с ролью социальной. Например, психологический Родитель может взаимодействовать с Я, которое осознает себя как родителя ребенка.

Конечно же, исследователи искали и ищут пути не только вычленения различных ипостасей в составе человеческого Я, но и целостного его осмысления. В частности, В.С. Соловьев затрагивает проблему тождества нашего Я [13].

Сказанное выше ни в коей мере не претендует на полноту охвата исследований структуры личности человека, но и уже упомянутых концепций и воззрений оказывается достаточно для того, чтобы подтвердить возможность рассмотрения личности как некоего единства различающихся ипостасей или функциональных составляющих. Для целей лингвистического анализа языкового материала в структуре личности коммуниканта могут быть вычленены (в рамках того фрагмента исследования, который излагается в настоящей статье) Я телесное (физическое, физиологическое), Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое и Я речемыслительное.

Я речемыслительное в какой-то мере объединяет Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое и Я телесное коммуниканта, но оно также имеет и собственные черты, такие, как владение речью. Интересно отметить, что реальность существования речемыслительного Я в какой-то степени подтверждается практикуемым в лингвистической литературе анализом языкового материала, и особенно при экспликации иллокутивной силы речевого акта, когда описание предложения-высказывания включает компоненты типа Я ГОВОРЮ ТЕБЕ, ЧТО / Я УТВЕРЖДАЮ, ЧТО или структуры типа ГОВОРЯЩИЙ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ДЖОН (У)ЗНАЛ, ЧТО ... (ср., например, описание языкового материала в [14]). С развиваемых в настоящей работе позиций компоненты такого типа репрезентируют речемыслительное Я говорящего, сокрытое в смысле предложения-высказывания.

Порождение предложения-высказывания затрагивает различные стороны личности адресанта — его социальное, интеллектуальное, психологическое Я, а также и собственно физическое Я, которое произносит все, что требуется. Но формируется коммуникативная единица речемыслительной составляющей сознания говорящего. Любое воспринимаемое адресатом предложение-высказывание затрагивает прежде всего его физическое и речемыслительное Я, которые принимают коммуникативную единицу. Речемыслительное Я интерпретирует принятое сообщение, привлекая к этому процессу также социальное, интеллектуальное и психологическое Я.

Телесное Я коммуниканта отражает его физическую "самость". Поскольку неблагоприятное воздействие на телесное Я человека приводит к тяжелым или необратимым последствиям, постольку речевое высказывание, произносимое от имени этого Я, обладает (или по крайней мере должно обладать) большой силой воздействия на адресата.

Рассмотрим пример того, как высказывание, исходящее от имени Я телесного адресанта, воздействует на различные Я адресата. Предположим, беспомощный человек просит: *Воды!* В общий смысл данного предложения-высказывания входит знание того, что человек пьет воду и тем самым поддерживает физическое благополучие своего организма — телесного Я. Просящий как бы говорит: "Я речевое личности произношу *Воды!* и тем самым взываю к адресату, потенциальному человеку-деятелю, совершить действие и дать мне воды напиться. (Основание:) мое телесное Я (в силу очевидных в ситуации причин) не в состоянии удовлетворить свою потребность, являющуюся жизненно важной. В силу этих же причин мое речемыслительное Я не в состоянии сделать просьбу более приемлемой с точки зрения речевого этикета."

Просьба подать воды затрагивает прежде всего психологическое Я адресата, которое (по природе и воспитанию) настроено на какие-то чувства, и среди них — сострадание к беспомощному человеку. Возглас *Воды!* затрагивает и социальное Я адресата, осведомленное о нормах, принятых в обществе, и в частности о различных установлениях, повелевающих помогать немощным.

Повторим, что речемыслительное Я человека, произносящего *Воды!*, пренебрегает социальными этикетными речевыми нормами, которые требуют облекать просьбу в коммуникативно-значимые формы вежливости. Это может обуславливаться слабостью телесного Я адресанта. Если данное обстоятельство очевидно адресату, то отсутствие этикетных форм вежливости в составе предложения-высказывания (например, таких: *Вас не затруднит подать мне (стакан) воды?*) будет вполне обоснованным. Свидетельствуя о немогущности просящего и об экстренности его просьбы, отсутствие этикетных форм вежливости придает возгласу большую воздействующую силу.

Я речевое адресата оценивает формулировку просьбы (например, отсутствие в ней этикетных "наполнителей") и соотносит ее с характером ситуации, в частности, с тем обстоятельством, что просящий обнаруживает немогущность. Я адресата, осознанно или неосознанно, испытывает некоторые чувства и привлекает к оценке ситуации те общественно установленные правила, которые действуют при обстоятельствах подобного типа. Все это, наряду с прочими мыслями и чувствами, ложится в основу ответа: *Беги!*

Рассмотрим пример того, когда субъект метапредложения репрезентирует Я социальное коммуниканта. Прежде всего следует подчеркнуть, что Я коммуниканта уже по своему существу имеет социальную природу, которая характеризует все речевые действия человека, все порождаемые им предложения-высказывания.

Хотя в любом акте общения коммуниканты представлены как наделенные всеми своими чертами и характеристиками, в том числе и социальными и психологическими, в некоторых ситуациях, например, этикетных, социальная сторона акта общения как бы превалирует над остальными. В частности, приветствие, если оно совершается по всем правилам речевого этикета, действующим в данной конкретной ситуации, означает, что говорящий выступает как представитель социальной группы, которая считает для себя обязательным следовать этим правилам. Произнося *Здравствуй!* и адресуя приветствие человеку, равному по возрасту и статусу, младшему или человеку близкому, говорящий устанавливает с адресатом речевой контакт и подает речевой стимул этикетного типа. Последний показывает адресату, что говорящий намерен поддерживать с ним нормальные социально установленные взаимоотношения. Сигнализируя это содержание, говорящий выступает от имени своего социального Я и обращается через посредство физического и речемыслительного Я адресата к его социальному Я. Это, как представляется, запечатлено в структуре смысла приветствия *Здравствуй!*, которая, в самом первом приближении, может быть описана, например, так: "Я приветствую тебя: Я устанавливаю с тобой речевой контакт этикетного типа, который означает, что я хочу поддерживать с тобой речевые отношения, соответствующие социальной норме".

Итак, приветствие представляет собой предложение-высказывание, которое в своей смысловой структуре содержит субъект (Я) и объект (Тебя), соотносящиеся прежде всего с телесными и речемыслительными, а через них — с социальными Я коммуникантов. Произнесение приветствия регулируется целым рядом правил и установлений, но они не могут быть здесь рассмотрены.

Вернемся к исследованию соотношения Я коммуниканта и построения метапредложений-толкований смысла коммуникативной единицы. Рассмотрим английский микродиалог, в котором босс дает указание клерку: *Jump! — How high?* Участники любого обмена репликами (и данного в том числе) выступают как лица, одновременно и социальные, и психологические. Приказывая, первый говорящий основывается либо на своем социальном статусе, позволяющем ему отдавать распоряжения такого рода в такой форме при данных обстоятельствах общения, либо на своих психологических свойствах действовать с позиции силы, либо на комбинации социальных и психологических характеристик. Будем считать, что последнее допущение наиболее верно.

Адресат приказа не только беспрекословно соглашается прыгнуть, но и "требует" разъяснений: насколько высоко ему следует подпрыгнуть. Таким образом, он сам напрашивается на дальнейшие приказания, которые могут заставить его действовать на пределе своих физических сил и возможностей — прыгнуть выше, чем он прыгнул бы "по доброй воле". Тем самым второй говорящий обнаруживает определенную психологическую позицию — это приятие приказа, беспрекословное повиновение и как бы сверхповиновение, когда отдавшего первый приказ подталкивают его детализировать, а возможно, и ужесточить. Второй говорящий либо стоит в социальной иерархии ниже первого, либо не имеет силы характера отстаивать благоприятные для себя условия (а это уже фактор психологии), либо (и это вернее всего) имеет место сочетание данных факторов.

Сам глагол, конституирующий предложение-высказывание *Jump!*, может быть истолкован при помощи следующего метатекста, составленного с привлечением словарной статьи на слово *jump*, v. в [15]. "Person-agent performs a purposeful physically-manifested action: springs away from where he (she) has been, by using his legs". Данные метапредложения передают не весь смысл рассматриваемой реплики. В частности, незафиксированным остался смысл приказа. Этот смысл может быть переведен в форму эксплицитного директива следующим образом (поскольку метаязык описания не имеет в данном случае большого значения, следующие далее толкования даются по-русски): "Я приказываю тебе: соверши физически манифестирующееся действие, подскочи с того места, где ты находишься, отталкиваясь при помощи ног".

В связи с анализом предложения-высказывания *Jump!* следует указать на то, что команда, как отмечает Дж. Лайонз, не может относиться к прошедшему времени [16, с. 746]. Как и просьба, команда нацелена на адресата, который, как предполагается, ее выполнит [16, с. 747]. Кроме того, команда, в отличие от просьбы, не оставляет адресату возможности отказаться от ее выполнения [16, с. 749].

Исследователи также отмечают, что адресат, предположительно, способен выполнить предлагаемое действие, причем при обычных обстоятельствах он этого сам не сделал бы. Важно и то, что говорящий хочет, чтобы адресат выполнил данное действие [17]. Ф. Кифер указывает, в частности, что адресату директива, в отличие от адресата вопроса, достаточно знать язык, на котором говорящий отдает приказ, а также то, как выполнить требуемое действие. Для того же, чтобы ответить на вопрос, адресат должен иметь некоторые знания о мире и быть в состоянии определить, что является значимым (релевантным), а что таковым в данной ситуации не является [18].

Приказ может отдать адресант, стоящий в социальной иерархии выше адресата [19]. Грейшон также указывает на краткость и резкость команды, отданной на английском языке. Впрочем, вполне возможно, краткость является универсальным свойством команды как таковой.

Директив может быть рассмотрен с точки зрения своего пропозиционального содержания и своей иллокутивной силы. Дж. Сёрль и Д. Вандервекен различают в пределах иллокутивной силы несколько иллокутивных целей. В частности, "... в произнесениях, имеющих директивную цель, говорящий пытается побудить слушателя реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием" [20].

А. Вежбицка, анализируя глубинную структуру повелительных форм, дает такое описание фразы *Пойди сюда!*, произнесенной с интонацией приказа: "Предполагая, что ты должен сделать то, что я хочу, чтобы ты сделал, желая побудить тебя это сделать, я говорю: я хочу, чтобы ты пошел сюда".

Приказ, пишет Вежбицка, "содержит в глубинной структуре предположение, что адресат должен делать то, что хочет от него говорящий" [21].

Итак, директив *Jump!* имеет в качестве условий своей реализации по меньшей мере четыре типа смыслов, которые в самых общих чертах могут быть

охарактеризованы как смыслы исходные: "Я полагаю, мое социальное положение дает мне основание отдать тебе это приказание. Мои психологические качества дают мне основание отдать тебе это приказание. Я чувствую, я имею право отдать тебе это приказание при данных обстоятельствах";

"Поскольку ты сам говоришь по-английски, я полагаю, ты понимаешь мое приказание";

"Я полагаю, ты, с твоими социопсихологическими качествами, признаешь мое право отдать тебе это приказание";

"Я полагаю, ты, будучи лицом-деятелем, можешь выполнить этот приказ и знаешь, как (умеешь) его выполнить".

Весь этот метатекст входит в описание общего смысла анализируемого приказания. Рассмотрим ответ на него. Отвечая, второй говорящий демонстрирует, что он понимает обращенное к нему предложение-высказывание и соглашается выполнить приказ. Он соглашается с тем, что первый говорящий имеет основания отдавать ему распоряжения: "Имея мои социопсихологические качества, я признаю твое право отдать мне этот приказ".

Он соглашается с тем, что может подпрыгнуть и умеет это сделать: "Будучи лицом-деятелем, я могу совершить требуемое действие".

Итак, общий смысл ответной реплики может быть описан следующим, например, образом: "Я признаю твое право отдать мне этот приказ. Мое социальное положение и мои психологические качества заставляют меня признать твое приказание как релевантное, и я чувствую, что я должен его выполнить. Я могу совершить требуемое действие, и я его совершу: я совершу целенаправленное физически манифестирующееся действие, я подскочу с того места, где нахожусь, отталкиваясь при помощи ног. Но я спрашиваю тебя, на какую высоту ты требуешь, чтобы я подпрыгнул с того места, где я нахожусь, чтобы я не подпрыгнул слишком низко, по твоему мнению".

Как представляется, выделенная часть метатекста репрезентирует смысл, передаваемый ответным предложением-высказыванием непосредственно, остальной же метатекст раскрывает смыслы, которые передаются данной ремаркой, не будучи названы в ее лексико-грамматической структуре.

Интересно отметить, что рассмотренные выше свойства психологической позиции второго говорящего позволяют использовать рассмотренный диалог в переносном смысле, когда имеется в виду не сам прыжок, но суперготовность к подчинению.

Итак, анализ смысла коммуникативной единицы может и должен учитывать множественный характер личности коммуниканта. Смысл предложения-высказывания, будучи порожден человеком говорящим, связан с различными ипостасями его Я. Имея адресатный характер, смысл нацеливается говорящим, вольно или невольно, на различные стороны Я адресата. Использование метапредложений для толкования смысла коммуникативной единицы позволяет отобразить связь различных Я коммуникантов с компонентами смысла предложения-высказывания. Построение смысла коммуникативной единицы отражает различные функциональные составляющие личности человека говорящего, такие, как Я социальное, Я телесное, Я интеллектуальное, Я психологическое, Я речемыслительное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова И.П. Метапредложение как средство анализа единиц различных уровней // ФН. 1989. № 5.
2. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка / Под. ред. Дегтерева Т.А. М., 1963. С. 199.
3. Лосев А.Ф. Держание духа. М., 1988. С. 277.
4. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. С. 9.
5. Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви). М., 1989. С. 6.
6. Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975. С. 342.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 306.

8. Ильенков Э.В. Что же такое личность // С чего начинается личность / Под общ. ред. Косолапова Р.И. 2-е изд. М., 1984. С. 329.
9. Станиславский К.С. Работа актера над собой. Ч. I: Работа над собой в творческом процессе переживания // Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 2. М., 1954. С. 253.
10. Платонов А. Чевенгур // Дружба народов. 1988. № 3. С. 116.
11. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. С. 439.
12. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.
13. Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии // Соловьев В.С. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1988.
14. Bierwisch M. Semantic structure and illocutionary force // Speech act theory and pragmatics / Ed. by Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Dordrecht, 1980.
15. Longman dictionary of contemporary English. L., 1978.
16. Lyons J. Semantics. V. 2. Cambridge, 1977.
17. Kempson R. Semantic theory. Cambridge, 1977. P. 53.
18. Kiefer F. Yes-no questions as Wh-questions // Speech act theory and pragmatics / Ed. by Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Dordrecht, 1980. P. 115.
19. Grayson M.C. Towards a social grammar of language. The Hague, 1977. P. 79.
20. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 252.
21. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 257.